

УДК 930.25

ФИННО-УГОРСКИЕ ТЕМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В КАЗАНИ (1917–1921 ГГ.)¹

О. М. Мельникова, Е. Н. Романова

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
superlvovich2012@yandex.ru
romanovaliza.91@mail.ru

Анализируются документы созданного в Казани в 1917 г. Северо-Восточного археологического и этнографического института, касающиеся развития учебных дисциплин и направлений научных исследований по истории, археологии и этнографии финно-угорских народов Прикамья и Поволжья. Определяется место этого института в становлении профессиональной исторической науки в Вотской автономной области

Ключевые слова: Северо-Восточный археологический институт, археология, этнография, региональная история, финно-угорские народы Прикамья, профессиональная историческая наука, Вотская автономная область.

В сообществах, подобных российскому, возникновение и развитие практик изучения истории, археологии, этнографии отдельных регионов приобретает специфические черты. Они связаны как с особенностями территориальных масштабов страны и разными темпами развития социальных институтов в отдельных регионах, так и со спецификой задач внутренней геополитики, предполагавшей разную степень освоения государством тех или иных его территорий. Поэтому институционализация исторической науки в российской провинции осуществлялась как через постановку перед ней государственных и общественно значимых задач, выработку способов привлечения исследователей для их решения, так и через деятельность научных и просветительских обществ и учреждений. В результате в регионах России формировались разные типы исследовательской культуры, создавались организационные формы, в рамках которых рождалось научное знание, складывалась специализация, а наука интегрировалась в культурную и социальную системы территорий.

В дореволюционные годы на территории современной Удмуртии, в пределах Вятской губернии, эти процессы нашли отражение в деятельности Сарапульского земского музея и Общества изучения Прикамского края, тесно связанных с другими научными обществами: с Обществом археологии, истории, этнографии при Императорском Казанском университете, Уральским обществом любителей естествознания, Московским археологическим обществом, Кукарским образовательным обществом и др. Через обучение собственных кадров в Петербургском археологическом институте местными деятелями осваивались профессиональные нормы исследовательской работы [Мельникова, 2014, с. 21–31].

В условиях радикальных общественно-политических изменений успешно развивавшаяся, в значительной мере любительская, краеведческая по своей сути, местная исследовательская традиция пришла во взаимодействие с новыми идеологическими конструктами, организационными изменениями в структуре научной деятельности, возросшей социальной мобильностью населения, новыми социальными ценностями и геополитическими ориентирами. В Вотской автономной области в 1920 г. эта ситуация способствовала созданию собственного научного ландшафта. Этноисторическая проблематика оказалась востребованной органами власти для решения общественно-политических задач. Конструирование национальной истории стало ключевой исследовательской задачей 1920 – начала 1930-х гг. [Загребин, Мельникова, 2014, с. 165–181].

Однако решение этих задач в регионе, не имевшем ни высших учебных заведений, ни научных учреждений, предполагало в первую очередь формирование профессионального исторического сообщества, готового включиться в социалистическое строительство. Научное сообщество должно было способствовать обретению удмуртским народом писаной истории на основе широкого круга источников, прежде всего этнографических и археологических.

Воплощение этих замыслов требовало организационного начала и его формального закреп-

ления. Для этого был использован уже проверенный дореволюционной практикой путь создания научных обществ и музеев. Так, в Ижевске, столице Вотской автономной области, центрами выработки научных представлений об истории удмуртов стали Музей местного края, созданный в 1920 г., и Научное общество изучения Вотского края (НОИВК), образованное в 1925 г.

Появились и новые научные институции: в 1923 г. по решению Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Вотской автономной области был создан Академический центр, призванный заниматься образованием народа на научной основе. Но ввиду отсутствия в крае ученых-профессионалов было решено пригласить для реализации этих задач столичных специалистов.

Созданные в городе, не имевшем подобного опыта инициативной деятельности, новые институты опирались на познания в этой области небольшого круга просвещенных деятелей послереволюционной волны, а также немногих оставшихся в России носителей дореволюционных краеведческих традиций. Большую роль в формировании исторических образов прошлого играли студенты-удмурты, обучавшиеся в Москве, Ленинграде, Казани [Загребин, 2012, с. 69].

НОИВК при активной поддержке Удмуртского облисполкома инициировало организацию ряда этнографических и археологических экспедиций Главнауки [Загребин, 2010, с. 167; Мельникова, 2014, с. 76–118; Чураков, 2010, с. 102–116]. Местные власти выделяли средства на проведение научных экспедиций, очевидно, видя целью их не только получение новых знаний об этносе, но и возможность просветительского (идеологического) воздействия на него.

В ряду новаций оказалась ценной инициатива Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ), раньше других – летом 1919 г. – заявившего о своей готовности к «инородчествоведению» в рамках специальной «Востоковедной комиссии» [Загребин, 2012, с. 70]. Годом ранее, 5–15 августа 1918 г., ОАИЭ предполагало созвать в Казани областной съезд историков Волго-Камского края, но политические обстоятельства помешали этому (НАРТ. Ф. 1337. Оп.1. Л. 2 об).

Свое место в создании профессиональных оснований археологических, этнографических, исторических исследований в Удмуртии и в других финно-угорских регионах Прикамья и Поволжья занимает Северо-Восточный археологический и этнографический институт (СВАИЭИ). Он был учрежден в Казани 4 октября 1917 г. по инициативе профессора по кафедре истории русского права С. П. Покровского для подготовки научных работников – историков, археологов, этнографов. Институт был ликвидирован в июле 1921 по постановлению СНК ТАССР от 15 декабря 1920 г. Это была важная попытка институционализации уже сложившихся направлений в региональной науке о народах Прикамья и Поволжья. К сожалению, история СВАИЭИ в отличие от Петербургского [Тихонов, 2003, с. 131–145] и Московского археологических институтов [Самошенко, 1989, с. 165–166] до недавнего времени в этом контексте практически не исследовалась.

В момент его создания появились статьи одного из организаторов института, М.В. Бречкевича [Бречкевич, 1919, 1920а, 1920б], посвященные учреждению института, его краткой деятельности, в том числе по развитию архивного дела. Она отражена в энциклопедических статьях [Симулин; Ельницкий], имеются упоминания о функционировании института в системе научных и просветительских организаций Прикамья [Оконникова, 2002, с. 96].

В 2015 г. изучение деятельности Северо-Восточного археологического и этнографического института по подготовке профессиональных археологов в регионе было начато известными московскими исследователями А.С. Смирновым и С.В. Кузьминых [Смирнов, Кузьминых, 2015, с. 214–240]. Во взаимном общении выросла идея всестороннего изучения деятельности учреждения и определения его роли в развитии профессиональной науки в Прикамско-Поволжском регионе. К сожалению, скоропостижная кончина А. С. Смирнова не дала ему возможности осуществить задуманное, но мы, его коллеги, намерены продолжить эти исследования.

Отдельной темой изысканий в контексте формирования региональной исторической науки является организация подготовки кадров, чья миссия состояла бы в изучении археологии, этнографии и истории финно-угорских народов Прикамья. Эти сведения отложились в двух архивных собраниях: Национальном архиве Республики Татарстан (НАРТ) (Ф.Р-1339. Северо-Восточный археологический и этнографический институт. 265 ед.хр.) и Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского федерального университета (ОРРК НБ КФУ. Ед. хр. 2488. Северо-Восточный археологический институт (разные бумаги); Ед. хр. 6451. Северо-Восточный археологический и этнографический институт (финансовые документы за 1921 г.)). Выявленные и изученные документы позволяют охарактеризовать различные стороны деятельности института по фор-

мированию профессионального исследовательского сообщества в регионе.

Организатор Северо-Восточного института С. П. Покровский был убежденным сторонником подготовки кадров в области изучения местной истории непосредственно в провинции. Он утверждал, «что провинциальные ученые силы должны направляться на изучение своих областей», поэтому необходимо учредить в центре северо-восточной России, в г. Казани, Археологический институт, «который мог бы подготовить археологов – специалистов, знающих местный край и посвящающих свои силы на историко-археологическое исследование северо-востока. Такое учреждение вытекает из местных потребностей. Оно должно, сообразно с характером местных древностей, подготавливать специалистов, способных в них разобраться, без чего немыслимо указанное нами исследование северо-восточной России» [Покровский, 1916, с. 3].

В ходатайстве Казанской земской управы об открытии в г. Казани СВАИЭИ указывалось: «Местный край издавна населен несколькими национальностями, которые, вступив в прочные, неразрывные соседские отношения, сообща работают над поднятием производительных сил страны, над своими собственным образованием. Однако для местных культурных работников знание условий местного края является, безусловно, необходимым. Где бы в крае ни работал культурный деятель, знание местной культурной, исторической и национально культурной среды является, безусловно, необходимым – оно могло бы уберечь от многих невольных ошибок. Изучение края со всеми его историческими, культурными, этнографическими особенностями доселе было в зачаточном состоянии. Для науки открыто теперь богатое поприще, и среди местных уроженцев есть немало таких, которые хотят всесторонне изучать родной край, богатую поэзию и искусство, изучать его прошлое. Много культурных сокровищ, письменных свидетельств, многочисленных и разнообразных памятников вещественных (происхождения мусульманского, русского, чувашского, марийского и т.д.) погибает, песни и мотивы забываются. Чтобы этого более не случилось, необходимы сведущие, образованные исследователи и собиратели. Каждая местная национальность нуждается в таких работниках, которые происходили бы из ее среды. Но такие работники должны знать и культуру соседних национальностей, ибо это знание предохраняет от односторонних увлечений и располагает к трезвой практической деятельности. Наука не может быть замкнута в каких-либо территориальных пределах, она должна их свободно переходить, сравнивать и давать плодотворные результаты» (НАРТ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 8. Л. 2, 2об).

Уставные документы так определяли цель СВАИЭИ: «археологические исследования Северо-Востока России и Сибири путем приготовления специалистов, способных разбираться в местных древностях, этнографии и архивах, и объединения в своем составе всех содействующих изучению древностей Северо-Востока России. Т.о. задача института: дать высшее образование студенчеству на основе изучения родного края, его прошлого и настоящего, национальных особенностей и отношений» (НАРТ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 4. Л. 1).

В другом документе эти задачи толковались более широко: «1) на основе изучения местного края, его культур, его национальностей подготавливать местных культурных работников; 2) изучать местный край – его население, культуру, быт, историю путем научных экспедиций, командировок, экскурсий, собираются, охраняются и комментируются вещественные культурные памятники. 3) популяризировать добываемые и систематизируемые знания и коллекции путем выставок, публичных лекций, курсов, издания ученого органа» (НАРТ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 8. Л. 2об).

В статье, открывавшей I том «Известий Северо-Восточного археологического и этнографического института в гор. Казани» также подчеркивалось: «Необходимо здесь же отметить и то внимание, которое Институт уделял и уделяет изучению местных национальностей. История Поволжья, обзор источников местного края, турецко-татарские древности, финские древности, мусульмановедение, мусульманское искусство, география Поволжья, история просвещения народностей Поволжья и Приуралья, казанско-татарское наречие, черемисский язык и т.д. – все эти и другие подобные науки имеют целью всесторонне ознакомить слушателей с прошлым и настоящим родного края и всего его населения, со всеми его особенностями национальными, культурными, бытовыми» [Бречкевич, 1920а, с. 1].

Протоколы заседания совета Северо-Восточного археологического и этнографического института передают непростую ситуацию выработки концепции деятельности нового учебного заведения. Как подчеркивают А.С. Смирнов и С.В. Кузьминых, «казанцы справедливо считали, что способны создать самостоятельный археологический институт. Тем более, что его учредитель С.П.

Покровский считал, что "Казань нуждается в археологическом институте несколько иного направления, чем Петроградский и Московский со своими филиальными отделениями... В нем, наряду с предметами русской археологии, должно быть отведено место изучению финских, болгарских и монгольских древностей с их языками" (Покровский, 1916, с. 34)» [Смирнов, Кузьминых, 2015, с. 215].

Среди преподавателей нового института были главным образом профессора Казанского университета. Сложный период революций 1917 г. и последующие годы приводили к частой мобильности преподавательского состава [Смирнов, Кузьминых, 2015, с. 217].

В СВАИЭИ первоначально было три отделения: археологическое, археографическое, этнографическое. Именно многонациональный состав региона стал причиной образования этнографического отделения. В мае 1919 г. было открыто восточное отделение (НАРТ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 4. Л. 2).

Учреждение СВАЭИИ было поддержано Союзом мелких народностей Поволжья, созданным в Казани в марте 1917 г. [Загребин, 2012, с.70]. Его председатель Н.В. Никольский писал: «Союз обнимает мелкие народности Поволжья, в составе его представители и сибирских мелких народностей. Всего сосредоточено здесь представительство 20 миллионов населения. В настоящее время этими народностями более чем когда-либо осознана необходимость образования. Мы не знаем таких богатств, которые окружают нас и не умеем использовать их, вот общий голос, который одинаково слышится как среди чуваш, черемис, вотяков, зырян и др. народностей Поволжья, так и среди бурят, алтайцев, якутов и др. Всюду одинаково сильное стремление к свету и знанию. Каждой народности хочется познать себя. От незнания нашего беды наши. Хочется идти не в хвосте культуры, как было раньше, а нога в ногу с просвещёнными людьми, отсюда само собой понятно насколько приятно для мелких народностей возникновение ученого учреждения, которое займется их изучением. Желая Институту процветания во имя культурного подъема мелких народностей Поволжья и Сибири» (НАРТ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 4. Л. 5, 5об).

Н. В. Никольский указывал на необходимость издания учебников и преподавания в институте на языках многочисленных народностей Поволжья (ОРРК НБ КФУ. Ед.хр. 2488. Л. 40). Его коллеги возражали, полагая, что нежелательно «смешивать задачи учительских семинарий», не следует обязывать институт «работать по составлению учебников и печатанию их». Другие же предлагали «пойти навстречу мелким племенам в их образовании», но при этом считали, что «не подходит для института служить только практическим целям инородцев: нужно дать сначала общую теоретическую научную подготовку, а затем уже перейти к практической деятельности в указанном направлении» (ОРРК НБ КФУ. Ед.хр. 2488. Л. 40).

Эти дискуссии не прекращались и позже. В апреле 1918 г. по предложению Н.Ф. Катанова институт ходатайствовал пред Наркомпросом о передаче функций и капиталов Инородческой комиссии, существовавшей с 1905 г. при Казанском учебном округе, в ведение СВАИЭИ: «Инородческая комиссия имеет свой собственный капитал и издает учебники для инородцев. Желательно использовать эту комиссию для целей института, т.к. эта комиссия снабжает школы инородческие Поволжья, Предуралья и Сибири, а также соответствует целям и задачам института. Институт мог бы заняться такою же деятельностью в интересах инородцев и получать средства комиссии на это издательство» (ОРРК НБ КФУ. Ед.хр. 2488. Л. 55).

Приват-доцент Казанского университета и СВАИЭИ Т.К. Жузе высказал мысль о том, что институт как высшее учебное заведение может и должен заниматься преимущественно составлением и изданием трудов по инородческим языкам и этнографии и истории тюрко-финских народов. Профессор Казанского университета К. Харлампович полагал, что для института важно было бы позаботиться не только о средних, но и о низших школах инородческих, создавая для них учебники по разным отраслям знаний, как и для средних учебных заведений. Для этого будет очень полезно учреждение при институте переводческой и издательской комиссии. Кроме того, она будет заниматься и собственно научной работой, связанной с изучением инородческих языков и изданием научных трудов. А.И. Емельянов, преподаватель удмуртского языка, напомнил, что черемисы и другие мелкие народности высказывались о необходимости издания учебников на их языках в особенности для низших школ, и считал, что в этом институт может им помочь и должен это сделать, так как имеет подходящих специалистов (ОРРК НБ КФУ. Ед.хр. 2488. Л. 58).

На заседаниях совета активно дискутировалась структура учебных планов. Так, в декабре

1917 г. предполагалось изучать первобытную археологию в объеме 4 часов в неделю, тюрко-монгольские и финно-угорские древности – в объеме 6 час. «Соответственно с изучением наречий тюркских и финских; причем на археографическом отделении обращать внимание на письменные памятники, а на археологическом – вещественные. Обязательна одна группа тюрко-монгольская, другая – финно-угорская по желанию самих слушателей. Русская палеография для археологов не обязательна, а желательна, также как палеография Востока. История русской литературы для археологов необязательна. История религий для всех трех отделений обязательна. История русской церкви для археографов обязательна, а для археологов необязательна, для этнографов не нужна вообще. История просвещения Северо-Востока России будет читаться вместо 2 час. 1 для всех трех отделений обязательно. Архивоведение для археографов по 3 часа на 5 и 6 семестр, а на археологическом только 3 час на 5 семестре» (ОРРК НБ КФУ. Ед.хр. 2488. Л. 46).

В 1918/1919 учебном году среди учебных дисциплин археографического отделения значились курсы «Финно-угорское языкознание», «Финские народы», «Финно-угорские древности», «Этнография Поволжья», «Обычное право инородцев», «Финские и турецкие народы», «География Поволжья», «Антропология Камско-Волжского края» (НАРТ. Оп. 1. Д. 4. Л. 2). На археологическом отделении в качестве важных дисциплин были «Финские (или турецкие) народы», «История Поволжья», «Введение в финно-угорское языкознание», «Финно-угорские древности» (НАРТ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 4. Л. 5).

Хотя в программах СВАИЭИ особое внимание уделялось местной тематике, его руководители понимали, что он не может развиваться без знания западноевропейской науки. «Именно эта последняя служит критерием местных изучений. Не могут, например, местная археология, хронология, география, этнография, древности, языковедение быть изучаемы без знакомства с первобытной археологией, западноевропейской хронологией, общим землеведением, общими этнографией, славянской этнографией и древностями. План наук в виду особой связи наук археологических и этнографических, что особенно обнаруживается при изучении местного края (археолог должен быть знаком и с этнографией и с востоковедением, этнографу невозможно работать без востоковедения и т.д.) – построен таким образом, что одни курсы являются общими для двух-трех» (НАРТ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 8. Л. 5).

Дисциплины, связанные с финно-угорской тематикой, были весьма обширны. Они читались главным образом профессорами Казанского университета, хотя привлекались и специалисты из местных институтов. В число таких дисциплин входили «История финно-угорских народов», «Черемисский язык», «Мордовский язык», «Вотский язык» (В. П. Налимов, А. И. Емельянов), «История просвещения народностей Поволжья» (Н. В. Никольский), «Обзор источников изучения местного края» (Н. Ф. Катанов), «Этнография финно-угорских племен», «Финно-угорские древности» (В. П. Налимов, А. И. Емельянов), «Антропология Камско-Волжского края» (Б. Н. Вишневецкий), спецкурс по археологии Камско-Волжского края (М. Г. Худяков, Н. Е. Высоцкий, Б. Ф. Адлер) (НАРТ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 8. Л.5).

В ходе регулярного обсуждения учебных дисциплин на заседаниях совета института постоянно поднимался вопрос о междисциплинарном изучении научных проблем. Так, при открытии восточного отделения указывалось: «Просить преподавателей восточных и западных языков в интересах преподавания этнографии и изучения местного края уделять некоторую долю внимания обзору сочинений и памятников, имеющих отношение к Северо-Востоку России» (НАРТ. Ф. 1339. Оп. 1. Д.30. Л.9). Постоянно шел поиск квалифицированных преподавателей. В протоколах заседаний нередко встречаются записи: «По обсуждении признать необходимым приглашение специалиста по восточному искусству вообще и по искусству народностей Северо-Востока России» (НАРТ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 30. Л.9); «Для курса этнографии финно-угорских племен иметь ввиду Вас. П. Налимова» (НАРТ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 30. Л. 10).

Обучение археологии предполагалось силами московских коллег. Докладывая о поездке в Москву, С.П. Покровский сообщил, что «имел переговоры с В.А. Городцовым и П.П. Ефименко, из них Городцов обещал принять участие в преподавании, согласовано, чтобы приезжал в начале весеннего семестра на 1,5 недели и в конце семестра также на 1,5 недели, причем чтение будет вести по первобытной археологии, а Ефименко специально по палеолиту» (ОРРК НБ КФУ. Ед.хр. 2488. Л. 42 об.). На заседании совета СВАИЭИ в октябре 1917 г. было зачитано письмо В.А. Городцова о программе преподавания первобытной археологии в Северо-Восточном археологическом институ-

те применительно к его особенностям. В связи с этим выяснилось, что Тальгрэн из Гельсингфорса мог бы быть полезен в качестве преподавателя по финским древностям, и было постановлено иметь его в виду в будущем для преподавания (ОРРК НБ КФУ. Ед.хр. 2488. Л. 42 об.).

С. П. Покровский отмечал, что «у московских археологов выяснилось в высшей степени симпатичное отношение к Северо-Восточному археологическому институту и указывалось даже на желательность съезда на предстоящих рождественских святках с целью выработки общего плана преподавания силами московских и казанских археологов» (ОРРК НБ КФУ. Ед.хр. 2488. Л. 42 об.). К сожалению, никто из заявленных исследователей, каждый по своим причинам, не смог приехать в Казань [Смирнов, Кузьминых, 2015, с. 220]. Археология же стала преподаваться известным знатоком прикамских древностей, почетным членом ОАИЭ, преподавателем Родионовского института П. А. Пономаревым.

Широкий круг учебных дисциплин требовал обеспечения студентов учебной литературой. Однако в условиях Гражданской войны не всегда это было возможно. Не случайно в марте 1918 г. по ходатайству слушателей института на ученом совете пересматривался вопрос о «минимуме экзаменов для перехода на 2 курс ввиду отсутствия учебников и трудностей в настоящее время» (ОРРК НБ КФУ. Ед.хр. 2488. Л. 52).

На заседаниях совета СВАИЭИ обсуждались и вопросы развития музейного дела у местных народностей. Профессор Казанского университета А.Н. Миронов полагал, что «институт действительно должен сделаться центром для будущих грамотных работ по собиранию научных коллекций, по научному их описанию, по популяризации их для народных масс. И все это Институт, имеющий в своем составе всех необходимых специалистов, сумеет сделать во много раз лучше, чем какие бы то ни были частные предприниматели, в научном отношении и более экономно и безукоризненно в финансовом, не имея для себя наживы, а лишь интересы науки и народа» (ОРРК НБ КФУ. Ед.хр. 2488. Л. 57).

Сохранились личные дела всех студентов, содержащие заявления, фотографии, входные билеты в институт и списки преподавателей СВАИЭИ (НАРТ. Ф.1339. Оп. 2л). Так, в 1917 г. в институте обучалось 142 мужчины, всего по списку 212 чел. (НАРТ. Ф.1339. Оп. 2л. Д. 8. Л. 1). Среди студентов были и будущие преподаватели института, например, М. Г. Худяков – знаковая фигура в региональной археологии 1920–1930-х гг. (НАРТ. Ф.1339. Оп. 2л. Д. 8. Л. 20).

Базовое образование студентов было разным: Нижегородская гимназия, реальное училище, Казанский университет по факультету восточных языков, гимназия для взрослых союза мелких народностей, Казанские миссионерские курсы, филологический факультет Армянского института в Москве, Казанские женские курсы, духовные семинарии и академии, учительская школа, медресе, чувашско-симбирская учительская школа, Родионовский институт в Казани, политехнический институт, фельдшерская школа, юридический факультет Казанского университета.

Не всегда удается идентифицировать слушателей как представителей многочисленных народов Поволжья, так как в заявлениях часто указываются в качестве места рождения или жительства губернии. Все же в одном случае это удалось сделать. Сохранились документы Нины Поздеевой, учительницы Котегуртского училища Дебесского уезда Вотской автономной области: «Имея страстное желание продолжить свое образование, прошу зачислить в числе студентов вверенной вам академии. 12 июня 1921 года. Нина Поздеева. Аттестат об окончании гимназии могу предоставить по первому требованию» (НАРТ. Ф.1339. Оп. 2л. Д. 31. Л. 16).

Деятельность института пришлась на трудные годы революций и Гражданской войны. Это отразилось и на повседневной жизни его студентов и преподавателей. Так, в документах за 1920 г. много справок о том, что студенты не могут учиться, так как находятся на излечении в госпитале от сыпного тифа (НАРТ. Ф.1339. Оп. 2л. Д. 27. Л. 25). В 1918 г. М.В. Бречкевич предложил ввиду осадного положения и связанного с ним запрета находиться на улице после 9 час. вечера перенести часть лекций на утро (ОРРК НБ КФУ. Ед.хр. 2488. Л.81об). Сохранилось заявление профессора А.М. Миронова: «Не имея возможности по недостатку средств купить себе по рыночным спекулятивным ценам верхний костюм (тройку) или материалы для него, чтобы заменить старый, уже непригодный для ношения мой костюм, прошу внеплановую комиссию о выдаче мне ордера на покупку по твердым ценам материалов для пошивки мне теплого костюма – тройки крайне необходимого мне для ежедневных служебных занятий в университете и в Северо-Восточном археологическом институте» (ОРРК НБ КФУ. Ед.хр. 2488. Л. 151).

Решение о закрытии СВАИЭИ было принято на заседании коллегии отдела вузов Народным комиссариатом просвещения РСФСР от 10 октября 1919 г. (НАРТ. Ф. 1339. Оп. 1. Д.8. Л. 14). Студенты на общем собрании 18 ноября 1919 г. постановили через своего представителя информировать Наркомпрос РСФСР о следующем:

«1. Широкое изучение Северо-Восточного края с его многими тюркско-татарскими и финно-угорскими народностями, с их особыми нравами, родною словесностью, прошлым и одновременно культурным состоянием, литературой, школой и с их новыми культурными запросами и нуждами невозможно без специального вуза, каковым в настоящее время является Северо-Восточный археологический и этнографический институт.

2. Вся область культурно-просветительского дела, особенно среди народностей не русского языка, как нам хорошо известно, крайне нуждается в просвещенных работниках, особенно со времени передачи этого дела в руки самого трудящегося народа; при чем эти запросы на культурных работников обращены г.о. в сторону требования работников по просвещению повышенного типа, с широким знанием всех сторон местной жизни, источников местной культуры, археологии и истории края. В отношении археологическом и этнографическом Северо-Восток России для науки представляет весьма широкое поле, почти нетронутое поле. В связи с этим изучение этого обширного, неизученного края, необходимо как для науки вообще, так для ближайших работ культурно-просветительских учреждений.

3. Ввиду указанных и др. соображений Общее собрание признает крайне необходимым сохранение Северо-Восточного археологического и этнографического института, кои полностью не могут быть осуществлены ни в одном из существующих в Казани образовательных учреждений» (НАРТ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 8. Л. 15).

Высказывались идеи о создании краевого факультета в местном университете. Анонимный автор в газете «Знамя революции» от 30 марта 1919 г. писал о важности сохранения СВАИЭИ: «Он всеми своими научными дисциплинами как бы врос в наш разноязычный, разноплеменной край. Здесь преподаются и языки местных племен и их быт, их история, археология – и все это в самом широком научном масштабе. Вот, например, часть предметов археологического Института; татарский язык, черемисский язык, каменный век Поволжья, исламоведение, арабский язык, обзор источников местного края, восточная нумизматика, палеография, местная археология Северо-Востока России, этнография, обычное право народностей Северо-Востока, мусульманское искусство, география Поволжья и Сибири и т.д. и т.д. При существовании археологического Института «краевой» факультет является совершенно ненужным» (НАРТ. Ф.1339. Оп.1. Д. 34. Л.1).

В итоге в 1920 г. СВАИЭИ был преобразован в Восточную академию, позднее вошедшую в состав Восточного педагогического института. Постоянная борьба за существование института на фоне сложной общественно-политической ситуации в стране отвлекали его сотрудников от созидательной деятельности [Смирнов, Кузьминых, 2015, с.229]. По постановлению СНК ТАССР от 15 декабря 1920 г. он был ликвидирован в июле 1921 г.

Пройдут еще десятилетия, пока в финно-угорских регионах Прикамья и Поволжья первоначально из обучавшихся в различных университетах страны студентов сформируются региональные исторические сообщества, а создание пединститутов, затем университетов приведет к возникновению различных исторических направлений региональной науки.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 14-18-03573 «"Поля несуществующего": неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)».

Список источников

Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф.1339. Оп.1. Д. 4, 8, 30, 34; Оп. 2л. Д. 27, 31. Центральный Государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 195. Оп.1. Д.159. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета (ОРРК НБ КФУ). Ед.хр. 2488.

Библиографический список

- Бречкевич М. В.* Северо-Восточный археологический и этнографический институт // Изв. Общества археологии, истории, этнографии. Казань, 1919. Т. 30, вып. 1.
- Бречкевич М. В.* Северо-Восточный археологический и этнографический институт в г. Казани // Изв. Северо-Восточного археол. и этногр. ин-та в г. Казани. Казань, 1920а. Т. I.
- Бречкевич М. В.* Краткие сведения о деятельности Северо-Восточного Археологического и Этнографического Института по отношению к архивам гор. Казани // Изв. Северо-Восточного археол. и этногр. ин-та в г. Казани. Казань, 1920б. Т. I.
- Ельницкий Л. А.* Археологические институты. URL: http://enc-dic.com/enc_sovet/Arheologicheskie-institut-70624.html (дата обращения: 01.09.2015).
- Загребин А. Е.* В.П. Налимов и его книга об удмуртах // Налимов В.П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск, 2010.
- Загребин А. Е.* Казань: общественные инициативы и этнография удмуртов в первые советские десятилетия // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, кн. 3.
- Загребин А. Е., Мельникова О.М.* Конструирование национальной истории Удмуртии: от устной исторической прозы к письменной истории (1920–начало 1930-х гг.) // Диалог со временем. 2014. Вып. 48.
- Мельникова О. М.* Археология в российской провинции: исследователи, научные общества, парадигмы (по материалам археологических исследований на территории Удмуртии в 1900–1930-х гг.). Ижевск, 2014.
- Оконникова Т. И.* Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в.) // Матер. и исслед. Камско-Вятской археол. экспедиции. Ижевск, 2002. Т.5.
- Покровский С. П.* Северо-Восточная Россия в историко-археологическом отношении. Казань, 1916.
- Смирнов А. С., Кузьминых С.В.* Археология в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте // Поволжская археология. 2015. №1.
- Самошенко В.Н.* История архивного дела в дореволюционной России: учеб. пособ. для вузов. М., 1989.
- Симулин А.Л.* Северо-Восточный археологический и этнографический институт // Чувашская энциклопедия. URL: <http://enc.cap.ru/?lnk=4345&t=publ> (дата обращения: 01.09.2015).
- Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: историограф. очерки. СПб., 2003.
- Чураков В.С.* Обзор фольклорно-лингвистических и археолого-этнографических экспедиций, работавших в 1920 – 1930-е гг. среди удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 2.

Дата поступления рукописи в редакцию 21.09.2015

FINNO-UGRIC ISSUES IN THE ACTIVITY OF NORTH-EAST ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC INSTITUTE IN KAZAN (1917-1921)

O. M. Melnikova, E. N. Romanova

Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Lomonosova, str., 4, 426004, Izhevsk, Russia
superlvovich2012@yandex.ru
romanovaliza.91@mail.ru

The article analyzes the archival documents on the history of North-East Archaeological and Ethnographic Institute functioned in Kazan from 1917 to 1922. The materials were found by the authors in the National Archives of the Republic of Tatarstan and in the Department of Manuscripts and Rare Books of the Scientific Library of Kazan (Volga) Federal University. The authors emphasize the tasks set by the founders of the institute and connected with the personnel training for learning archaeology, ethnography and history of Finno-Ugric peoples of Ural region, including the Votskaya autonomous oblast (region). The discussions on the purpose of the institute and its place among other institutions of Kazan in 1917-1921 are considered in the article. The authors analyze the curriculums of the three departments of the institute which were archaeological, ethnographic and archaeological ones. They reveal the problems that appeared during learning process. In the article, there is a characteristic of some scholars and teachers who were engaged in the learning process of the institute. The authors show the role of the institute founder Pokrovsky in its activity. By using personal data files, the authors give an extend characteristic of the institute's students. The article also addresses the question of why Finno-Ugric studies were needed in that time. The authors describe difficult financial condition of the institute in the time of the Revolution and Civil War.

Key words: North-East Archaeological Institute, archaeology, ethnography, regional history, Finno-Ugric peoples of the Kama region, professional historical science, the Votskaya autonomous oblast (region).

References

- Brechkevich M. V.* Kratkie svedeniya o deyatel'nosti Severo-Vostochnogo Arkheologicheskogo i Etnograficheskogo Instituta po otnosheniyu k arkhivam gor. Kazani. *Izv. Severo-Vostochnogo arkheol. i etnogr. in-ta v gor. Kazani.* Kazan', 1920b. T. I.
- Brechkevich M. V.* Severo-Vostochnyy arkheologicheskii i etnograficheskii institut. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii, etnografii.* Kazan', 1919. T. 30. Vyp. 1. S. 81–87.
- Brechkevich M. V.* Severo-Vostochnyy arkheologicheskii i etnograficheskii institut v g. Kazani. *Izv. Severo-Vostochnogo arkheol. i etnogr. in-ta v gor. Kazani.* Kazan', 1920a. T. I.
- Churakov V.S.* Obzor fol'klorno-lingvisticheskikh i arkheologo-etnograficheskikh ekspeditsiy, rabotavshikh v 1920 – 1930-e gg. sredi udmurtov. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy.* 2010. Vyp. 2.
- El'nitskiy L. A.* Arkheologicheskie instituty. URL: http://enc-dic.com/enc_sovet/Arheologicheskie-institut-70624.html (data obrashcheniya: 01.09.2015).
- Mel'nikova O. M.* Arkheologiya v rossiyskoy provintsii: issledovateli, nauchnye obshchestva, paradigmy (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy na territorii Udmurtii v 1900–1930-kh gg.). Izhevsk, 2014.
- Natsional'nyy arkhiv Respubliki Tatarstan (NART). F.1339. Op.1. D. 4, 8, 30, 34; Op. 2l. D. 27, 31.
- Okonnikova T. I.* Formirovanie nauchnykh traditsiy v arkheologii Prikam'ya (60- e gg. XIX v. – konets 40-kh gg. XX v.). *Mater. i issled. Kamsko-Vyatskoy arkheol. ekspeditsii.* Izhevsk, 2002. T.5.
- Otdel rukopisey i redkikh knig Nauchnoy biblioteki Kazanskogo (Privolzhskogo) Federal'nogo universiteta (ORRK NB KFU). Ed.khr. 2488.
- Pokrovskiy S. P.* Severo-Vostochnaya Rossiya v istoriko-arkheologicheskom otnoshenii. Kazan', 1916.
- Samoshenko V.N.* Istoriya arkhivnogo dela v dorevolyutsionnoy Rossii: Ucheb. posob. dlya vuzov. M., 1989.
- Simulin A.L.* Severo-Vostochnyy arkheologicheskii i etnograficheskii institut. *Chuvashskaya entsiklopediya.* URL: <http://enc.cap.ru/?lnk=4345&t=publ> (data obrashcheniya: 01.09.2015).
- Smirnov A. S., Kuz'minykh S.V.* Arkheologiya v Severo-Vostochnom arkheologicheskom i etnograficheskom institute. *Povolzhskaya arkheologiya.* 2015. №1.
- Tikhonov I.L.* Arkheologiya v Sankt-Peterburgskom universitete: Istoriograficheskie ocherki. SPb., 2003.
- Tsentral'nyy Gosudarstvennyy arkhiv Udmurtskoy Respubliki (TsGA UR). F. 195. Op.1. D.159.
- Zagrebin A. E.* Kazan': obshchestvennye initsiativy i etnografiya udmurtov v pervye sovetskie desyatiletia // *Uchen. zap. Kazanskogo un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki.* 2012. T. 154, kn. 3.
- Zagrebin A. E.* V.P. Nalimov i ego kniga ob udmurtakh. *V.P. Nalimov. Ocherki po etnografii finno-ugorskikh narodov.* Izhevsk, 2010.
- Zagrebin A. E., Mel'nikova O.M.* Konstruirovaniye natsional'noy istorii Udmurtii: ot ustnoy istoricheskoy prozy k pis'mennoy istorii (1920–nachalo 1930 gg.). *Dialog so vremenem.* 2014. Vyp. 48.